

{flv}20110418_zasedanie_gossoveta{/flv}

Д.МЕДВЕДЕВ: Добрый день!

Наша встреча посвящена теме, которая, безусловно, представляет угрозу для национальной безопасности нашей страны. Речь идёт о борьбе с наркотиками. И сегодня мы с вами будем обсуждать тему противодействия потреблению наркотиков в молодёжной среде.

Несмотря на то, что этой теме уделяется повышенное внимание: действует Государственный антинаркотический комитет, год назад была принята стратегия государственной антинаркотической политики до 2020 года, – перемен к лучшему пока очень и очень мало.

Наркомания – угроза глобального характера, она, к сожалению, распространилась по всей территории нашей страны, распространилась, конечно, не сегодня и не за последние несколько лет. Тем не менее надо признать, что у нас есть более благополучные регионы и менее благополучные регионы.

Мы встретились с вами в Иркутске, потому что ситуация в Иркутской области усреднённая, мягко говоря, далеко не лучшая: есть места, где очень возрос уровень потребления наркотических средств. Но она, может быть, и не самая тяжёлая, поэтому это такой среднестатистический регион, в полной мере, к сожалению, обладающий всеми негативными характеристиками, связанными с употреблением наркотиков молодёжью.

По данным Организации Объединённых Наций, более 100 миллионов человек в мире

регулярно употребляют наркотики. Большинство государств, которые принято называть цивилизованными, постоянно борются с этим смертоносным злом. И мы должны это делать.

По экспертным оценкам, у нас не менее двух с половиной миллионов человек употребляют наркотики. Это страшная цифра, конечно. Причём 70 процентов – молодёжь до 30 лет, это ещё более тяжёлая цифра. И, что особенно тяжело, буквально в последние пять лет нижняя планка возраста, с которого наркотики начинают пробовать, опустилась до просто катастрофического уровня: 11–12 лет, это совсем дети, учащиеся 5–6 классов.

У нас на 1 января число зарегистрированных потребителей наркотиков составляло 650 тысяч, но по оценке экспертов их реальное количество такое, как я назвал, и это проблема, которой должны будут заниматься не только в настоящее время. Очевидно, что борьба с этой проблемой рассчитана на достаточно длительную перспективу.

Понятно, что наркотики в целом влияют и на демографическую ситуацию в стране, и разрушают генофонд нации, здоровье людей. Ежегодно по подсчётам, которые ведутся правоохранительными органами, более 200 тысяч преступлений связаны с незаконным оборотом наркотических средств. При этом те, кто потребляет наркотики, конечно, не участвует ни в какой трудовой деятельности, ни в каком созидательном труде.

А результат заключается в том, что экономические потери от потребления наркотиков составляют, по оценкам аналитиков, не менее двух процентов валового внутреннего продукта. Это только экономические проблемы, я не говорю о колоссальной трагедии, о том вреде, который наносят наркотики потребляющим их людям, их семьям, близким, да и вообще всему обществу.

Я сейчас назову некоторые направления, которые требуют дополнительных мер воздействия. Главной целью этой работы является понижение спроса, причём значительное понижение спроса на наркотики в молодёжной среде.

Первое. Нам нужно в сжатые сроки сформировать государственную систему мониторинга ситуации с наркотиками, разработать и утвердить методику проведения

этого мониторинга. Как минимум это даст возможность получить достоверные данные о распространении наркомании среди подрастающего поколения и соответственно скорректировать работу.

Я сегодня, когда встречался в реабилитационном центре с матерями, которые занимаются этой проблемой, часть из них, естественно, натерпелась в какой-то период, когда их дети потребляли наркотики, я говорил о том, что мы зачастую стесняемся говорить об этой теме вслух. Это тема относится к числу неприятных, она не помогает людям отдохнуть в домашней обстановке, но говорить об этом нужно обязательно. И поэтому государственная система мониторинга в этом смысле является основой для борьбы с наркотиками и профилактики.

Второе как раз касается профилактики наркомании. Здесь важно всё: и, естественно, активная антинаркотическая пропаганда, о чём я только что говорил, и постоянная работа с группами риска, поддержка волонтёрских движений. Это, на мой взгляд, исключительно важно, потому что во всём мире с наркотиками, с потреблением наркотиков борются не только государственные структуры, их эффективность далеко не везде очевидна, но и добровольческие объединения. Именно там как раз и проходит, может быть, самая сложная работа. Такая деятельность ведётся в разных регионах. Надеюсь, что здесь присутствующие губернаторы что-то скажут на эту тему, о том, как у них обстоят дела.

Я посмотрел, как это организовано в Иркутской области. В целом мне понравилось, считаю, что вполне адекватные люди этим занимаются, и условия современные. Понятно, это не решает всех проблем, тем не менее всё-таки это уже достаточно продвинутый, на мой взгляд, уровень работы.

Эффективность профилактики остаётся крайне низкой.

«Наркомания – угроза глобального характера, она, к сожалению, распространилась по всей территории нашей страны, распространилась, конечно, не сегодня и не за последние несколько лет».

Ещё одна тема, о которой я сегодня разговаривал в Центре по реабилитации, – это

популяризация потребления наркотиков. Это просто преступление: и уголовное преступление, и, если хотите, нравственное преступление. В отдельных информационных средах эта популяризация – её уровень, точнее сказать – просто зашкаливает. Например, если взять интернет, то количество сайтов, которые открыто рекламируют наркотики (по тем подсчётам, которые есть), превышает 10 тысяч. Конечно, это вносит свою деструктивную роль.

Хотел бы, чтобы руководители субъектов Федерации взяли вопросы профилактики под свой личный контроль, как и вопросы создания и реализации программ по формированию здорового образа жизни молодёжи. Нужно, наконец, создать нормальные условия для деятельности общественных организаций, которые занимаются формированием здорового образа жизни. Уж чего-чего, а этим организациям можно и нужно помочь, тем более у них никогда нет заведённых требований. Им не нужны какие-то особняки в роскошных местах, всё, что они делают, носит вполне разумный характер по объектам имущества, которые необходимы для того, чтобы создавать реабилитационные центры, другие объекты. Поэтому это задача губернаторов, возьмите это на контроль.

И конечно, очень важно усилить работу в школах, в учреждениях начального и среднего специального профессионального образования, в университетах. Может быть, есть резон подумать и о включении отдельных курсов в программы обучения, особенно в неблагополучных местах и в тех, допустим, учебных заведениях, где отмечались всплески потребления наркотиков, потому что ситуация очень разная. Где-то это более или менее, что называется, а где-то просто катастрофа.

Я не буду называть учебные заведения, чтобы никого не обижать, но все знают приблизительно, где и что, даже по Москве приходят, мне говорят: «Знаете, в таком-то университете просто беда». И распространяется это всё очень сильно, и плюс привозят из Центральной Азии, студенты привозят, продают. То есть такая информация есть, есть и в антинаркотическом ведомстве, да и у самих руководителей учебных заведений. Это уже ваша ответственность.

Третья задача – это раннее выявление потребителей наркотиков. Практика тестирования учащихся школ в регионах уже апробирована. Это непростая тема, далеко не все родители положительно восприняли такое тестирование их детей. Конечно, большинство возражений связано с этическими требованиями, с необходимостью соблюдать право на частную жизнь. Но, как мне представляется, помимо, может быть, этих высоких соображений, которые, конечно, нужно принимать во внимание, есть и

другие моменты. Некоторые родители, надо признаться честно, просто боятся об этом говорить, они не допускают даже мысли о том, что эта беда может коснуться их чада, закрывают его от контроля, а результат заключается в том, что в какой-то момент эти дети становятся уже объектом работы соответствующих центров по реабилитации. Поэтому, конечно, это этическая и юридическая проблема. Между тем родители, которые знают что почём, те, кто пережил трагедию деградации, а иногда даже гибели их детей, понимают значение ранних тестов.

В любом случае по этой проблеме пора принимать решение. И решение это не может быть калужским, рязанским, не может быть иркутским: оно должно быть принято на уровне федерального законодательства, иначе мы поставим все школы в неравное положение, и это как раз будет худшим вариантом развития событий. Если делать это, то нужно сделать соответствующий федеральный закон. Я считаю, что, к сожалению, ситуация такова, что нам, вероятно, придётся пойти по этому пути. Но давайте сегодня обсудим ещё раз эту тему.

Четвёртое направление работы – это лечение, реабилитация и последующая социализация потребителей наркотиков. Спрос на такие услуги уже сейчас значительно превышает возможности государственных структур. Более того, количество наркологических медицинских учреждений в последние годы сократилось, их финансовое положение и техническое состояние далеко не лучшее.

«Популяризация потребления наркотиков. Это просто преступление: и уголовное преступление, и, если хотите, нравственное преступление. В отдельных информационных средах эта популяризация – её уровень, точнее сказать – просто зашкаливает».

Пациенты, которые находятся в стационаре, обычно проводят там не более двух недель. В результате показатель длительной ремиссии не превышает (по тем данным, которые у меня, во всяком случае) двух процентов от всех, которые прошли курс лечения.

В России 160 государственных медицинских наркологических учреждений, но в реабилитации участвуют около 400 негосударственных структур, часть из них при церковных приходах.

Что нам нужно, так это создать полноценную и современную систему медико-социальной реабилитации наркозависимых лиц. При этом, конечно, особое внимание должно быть обращено на несовершеннолетних. И нужно разработать национальные стандарты предоставления таких услуг, чтобы не возникали проблемы, которые периодически возникают по их работе.

Поэтому мы сегодня должны определиться с приоритетами. Один из таких приоритетов очевиден: это внедрение инновационных методик медико-социальной реабилитации. Кроме того, рабочая группа предлагает разработать систему мер по формированию у наркопотребителей соответствующей мотивации для освобождения от наркотической зависимости.

Наверное, для начала разговора достаточно. Я не буду вам говорить банальностей, вы все понимаете, тем более что речь идёт просто о нашем будущем, о будущем наших детей и о будущем нашей страны. И уж что мы должны сделать, так это постараться взять ситуацию хотя бы под основной контроль.

Пожалуйста, начнём работать.

Д.МЕДВЕДЕВ: Уважаемые коллеги, я подведу итоги.

Не буду говорить о том, что мы ещё должны сделать, потому что мы все понимаем, какой масштаб проблемы, и, к сожалению, её масштаб только увеличивается – и не только в нашей стране. Поэтому в развитие того, что сегодня обсуждалось, несколько моментов.

Тестирование. Я исхожу из того, что цель тестирования заключается в помощи родителям, которые выполняют функции законных представителей в отношении своих несовершеннолетних детей, и в помощи самим несовершеннолетним, которые употребляют наркотики или пробуют их. Помощь здесь, на мой взгляд, заключается в том, чтобы организовать соответствующую работу: ранняя диагностика,

предотвращение возможных негативных последствий. Это в том, что касается школьников.

Меня в принципе устроит любой вариант осуществления этой деятельности, потому что мы все едины в том, что главное – результат. Практически сплошное тестирование – ситуация, когда не тестироваться становится неудобным, делается ли это обязательным образом (а здесь есть некоторые проблемы, о которых действительно говорил Министр юстиции) или это делается добровольным порядком. Вопрос в том, что в моральном плане это вызывает абсолютно одно и то же отношение.

Думаю, нужно поступить следующим образом. Вы продолжите работу над двухэтапным тестированием, но одновременно я считаю, что мы должны всё-таки простимулировать наши субъекты Федерации и дать им возможность осуществлять тестирование в рамках закона – конечно, не ломая существующую на сегодняшний день систему.

«Некоторые родители не допускают даже мысли о том, что эта беда может коснуться их чада, закрывают его от контроля, а результат заключается в том, что в какой-то момент эти дети становятся уже объектом работы соответствующих центров по реабилитации».

Поэтому я согласен с тем, что было сказано Егором Афанасьевичем Борисовым. Мы вполне можем в отношении школьников зафиксировать в специальном законе или в одном из действующих законов возможность установления решения на уровне субъектов Федерации по проведению тестирования, а порядок проведения этого тестирования, методики и всё остальное, конечно, должны подготовить Правительство и Министерство здравоохранения и социального развития, согласовав с другими ведомствами. Тогда мы и субъекты Федерации вовлечём в эту работу, и, естественно, методику подготовит Правительство, и этапы проведения тестирования.

В том, что касается тестирования студентов, вопрос, безусловно, сложнее, и связан он с тем, что, на мой взгляд (я здесь рассуждаю как юрист), студенты в основном – это совершеннолетние, то есть полностью правоспособные лица, за которых такое решение не могут принимать их родители. Они должны принимать их самостоятельно. И поэтому в этом плане мне понравилась та, казалось бы, простенькая идея, которая прозвучала у ректора Московского государственного университета. Мы сегодня, когда посещали реабилитационный центр, говорили о том, что во многих иностранных частных

вузах установлено правило, что учёба в вузе, статус студента не совместим с потреблением наркотиков. Замечен – до свидания. В государственных вузах таких правил у них нет. В любом случае мне кажется, что, если мы пойдём по пути изменения учредительных документов вуза, устава вуза, где будет сначала отражена соответствующая позиция и набор возможных мер реагирования (я не говорю о том, что санкцией за однократное употребление наркотиков в высшем учебном заведении должно быть отчисление, наверное, это невозможно и неправильно), тем не менее должен быть поставлен определённый юридический заслон, который должен осознаваться всеми студентами, всеми, точнее говоря, абитуриентами, которые хотят стать студентами того или иного университета. То есть люди должны понимать: поступили в университет – значит, сознательно выбрали определённую линию поведения. Хочешь придерживаться другой линии – уходи. В конце концов каждый человек отчасти волен выбирать свою судьбу как минимум.

Думаю, что нужно проработать идею. Поручаю Министерству образования посмотреть на неё в смысле корректировки учредительных документов в высших учебных заведениях – и государственных, и частных. Но для частных это, конечно, может быть просто какая-то рекомендация.

Следующее. Ситуация, связанная с безрецептурным отпуском кодеиновых препаратов, которые служат основой для создания соответствующей группы наркотиков: думаю, что нужно поручить Правительству окончательно оценить эту ситуацию, потому что нам нужно взвесить то, о чём сейчас говорили с двух сторон.

С одной стороны, очевидно, что у нас нет такого количества людей, которые потребляют все кодеиновые препараты в соответствии с назначениями, и очевидно, что значительная часть приобретаемых препаратов идёт на изготовление наркотиков, это абсолютно точно, и нужно смотреть правде в глаза. С другой стороны – мы понимаем, что введение рецептурного отпуска для значительной части наших людей с учётом, скажем откровенно, нашей неорганизованности, коррумпированности целого ряда структур может создать проблемы. Поэтому я допускаю, что здесь может быть какой-то этапный подход или, может быть, с выделением каких-то пилотных зон, где это может происходить, чтобы мы понимали, каким образом будет происходить рецептурный отпуск соответствующих препаратов.

В большинстве стран, конечно, в основном препараты такого плана отпускаются по рецепту, но не везде. Есть так называемая максимальная доза кодеина в лекарственных средствах, которая разрешена для безрецептурного отпуска: 15 миллиграмм – в

Австралии, в Новой Зеландии, 12 миллиграмм – в Великобритании и так далее. То есть каждая страна эту задачу решает по-своему. С учётом того, что у нас многие негативные процессы приобретают такую гипертрофированную форму, думаю, что, может быть, нам придётся пойти и на какие-то более радикальные шаги.

В общем, я хочу, чтобы Правительство это оценило и с позиции защиты наших людей от вала соответствующего типа наркотиков, и с позиции удобства для тех, кто получает соответствующие лекарственные препараты, и представило мне окончательное решение вопроса.

«Лечение, реабилитация и последующая социализация потребителей наркотиков. Спрос на такие услуги уже сейчас значительно превышает возможности государственных структур».

Я полностью поддерживаю идею, которая прозвучала от антинаркотического ведомства, о введении ответственности того или иного учреждения, которое оказывает услуги в области досуга, в случае если там установлено присутствие лиц в состоянии наркотического опьянения. Речь, конечно, не должна идти об однократном присутствии кого-то, потому что так можно перекрывать все эти заведения: они не виноваты в том, что к ним кто-то пришёл в таком состоянии. Речь идёт о более сложной процедуре, которую необходимо разработать. Но в принципе, если налицо ситуация, когда заведение, по сути, используется для потребления наркотиков, превращаясь в притон, можно и должно ставить вопрос об административной ответственности учредителей этого заведения, руководителей этого заведения; в каких-то ситуациях, может быть, и об уголовной ответственности, но самое главное, что, на мой взгляд, эффективнее, – о прекращении деятельности соответствующего заведения. И я предлагаю соответствующий законопроект разработать.

Тема, которая также сегодня была весьма актуальной, – введение ответственности за совершение преступления под влиянием наркотиков и альтернативных мер наказания, а также криминализация самого потребления наркотиков. Здесь, безусловно, есть доводы за и против. Есть, конечно, и определённые сомнения, которые я не могу не высказать. Они заключаются в том, что, конечно, с учётом определённых специфических форм достижения результатов в тех или иных случаях я вполне себе могу представить, когда людям будут просто подбрасывать наркотики – для возбуждения уголовной ответственности по факту потребления – и после этого освобождаться от них, потому что сам по себе факт потребления будет создавать уже судимость, и с этим лицом очень легко расправиться. Но это не означает, что я против этой меры. Давайте подумаем,

каким образом, может быть, найти оптимальное решение, особенно с учётом того, о чём сказал Министр юстиции, что у нас уже альтернативная мера наказания по целому ряду состава преступлений в проект закона внесена, сейчас она пройдёт через Правительство и, скорее всего, будет поддержана. Можно пойти и на более радикальные шаги.

Кстати, уж точно мне кажется вполне разумным введение так называемой санкции или наказания в качестве основного в виде лечения – не в качестве альтернативной меры наказания, что или в тюрьму, или иди, лечись, а в качестве основной меры наказания. В этом случае никаких даже сомнений быть не может, и это уже тогда не рычаг давления. Вопрос действительно заключается в том, по каким составам это делать: по тем, что есть, или имея в виду те предложения, которые были сделаны.

Хотел бы, чтобы Правительство вместе с Администрацией Президента проработало этот вариант и, скажем, в двухмесячный срок представило мне предложения о том, целесообразно ли идти на такого рода ответственность или нет, с учётом текущего, подчёркиваю, состояния общества.

Ещё одна тема, которая тоже здесь упоминалась, в отношении трудового договора, который заключается работодателем за границей и по которому требуется отказ от употребления наркотиков или предварительное условие для заключения договора. Здесь-то я как раз не вижу никаких проблем и с точки зрения нашего законодательства.

«Нужно создать полноценную и современную систему медико-социальной реабилитации наркозависимых лиц. При этом, конечно, особое внимание должно быть обращено на несовершеннолетних».

Во всяком случае, как мне представляется, в ряде случаев можно было бы подумать о том, чтобы работодатель мог выдвигать соответствующие требования при заключении трудового договора. Нужно подумать о том, чтобы, может быть, поменять и трудовое законодательство. Потому что речь здесь идёт не о принудительном тестировании и не о чём-то, что колеблет основы, скажем, действующего законодательства об охране здоровья, а речь идёт просто об условиях заключения трудового договора, к числу которых может относиться и это, особенно когда речь идёт об источниках повышенной опасности, но не только. Я, например, считаю это абсолютно нормальным, допустим, особенно когда речь идёт о частном бизнесе, в конце концов это дело работодателя,

каким образом формулировать предложения, связанные с заключением трудового контракта. Надо подумать, каким образом интегрировать это в действующее законодательство.

По итогам заседания я подпишу перечень поручений, который включает всё, что изначально предполагалось, и, естественно, то, что я только что сказал.

Всем большое спасибо.

18 апреля 2011

[Администрация Президента РФ](#)